БЫЛА НЕ БЫЛА

Беседа журналиста Андрея ФЕФЕЛОВА и писателя Петра КАЛИТИНА

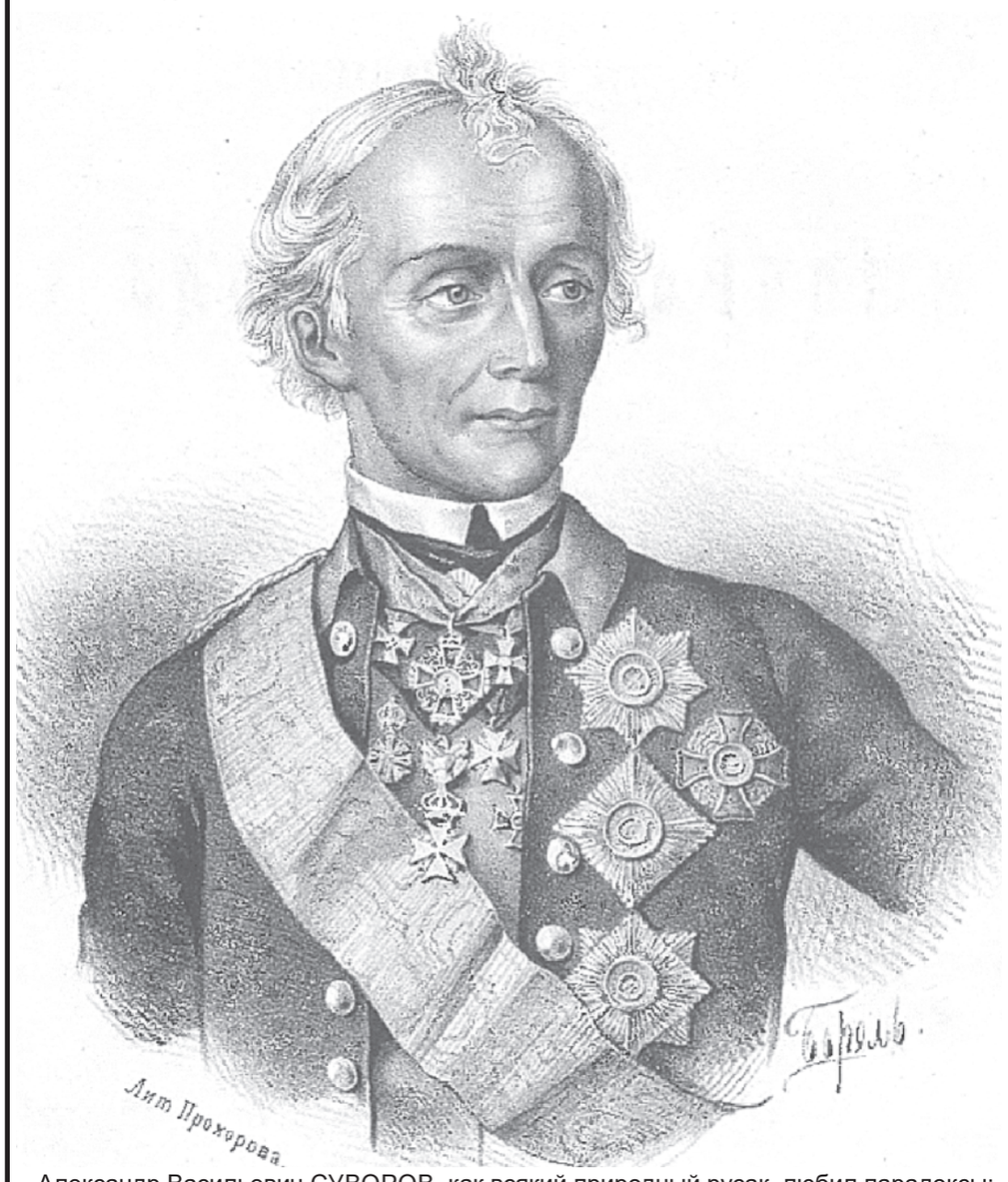
Андрей ФЕФЕЛОВ. Пётр Вячеславович, недавно вышла ваша книга "Тысячелетнее царство русского юродства". Тема обширна, глубинна, и занимающиеся ей всегда находятся как бы в состоянии проигрыша — словно в некую бездну прыгают.

Пётр КАЛИТИН. Концентрат этой книги связан с конкретным представлением о русскости. Начиная с монголо-татар и уж точно — с Карла XII, главным мотивом агрессии против России, а потом уже и Советского Союза, была абсолютная уверенность в том, что русский человек — варвар, дикарь; хотя при этом он оставался православным. Почему?

Андрей ФЕФЕЛОВ. Это западный пропагандистский миф. Разве не так?

Пётр КАЛИТИН. Да, мы говорим сейчас о западном мифе, который обосновывал в "культурологическом" ключе необходимость агрессии. И даже сейчас, в эпоху "гибридной войны", в основе лежат знаменитые слова Бжезинского о том, что новый мир будет строиться за счёт России, и опять же подчёркивается, что Россия — это пустота. А наши доморощенные либералы это даже не обосновывают, считают аксиомой: так должно быть, было и всегда будет.

Поэтому поговорим о нашем оригинальном вкладе в мировую культуру — в жёстком, сущностном плане, протянем, так сказать, эти первые "виадуки" над безднами. Лично я на это вышел не из абстрактного умствования, хотя по первому образованию философ. Но, углубляясь в рамках своей докторской диссертации в традиции учёно-монашеской школы митрополита Платона (а это XVIII век, то есть ещё до так называемого расцвета русской философии, золотого и серебряного веков русской культуры), я столкнулся с колоссальным материалом. Совсем недавно, благодаря сотрудничеству с Олегом Анатольевичем Платоновым, я издал совместно с Институтом общегуманитарных исследований книгу "Митрополит Платон (Левшин). Цветущая сложность", где представлены тексты монахов, живших во второй половине XVIII века — исключительно русские тексты.



Александр Васильевич СУВОРОВ, как всякий природный русак, любил парадоксы: «Скорость нужна, а поспешность вредна». (Из книги «Наука побеждать»)

Андрей ФЕФЕЛОВ. Расскажите подробнее.

Пётр КАЛИТИН. Всем известно слово "бытие" и слово "понятие". Последнее любят переводить на латинский как "термин", хотя это два разных слова, потому что "термин" — это "конец" (и по-латыни, и по всем романским языкам). А "понятие" — это отглагольное существительное, причём образованное от глагола несовершенного вида. "Понятие" — как процесс понимания, процесс мышления. И мышление — это тоже процесс, это никакой не термин-конец. И то же самое — "бытие", "бытийствование". Есть прекрасный греческий аналог нашего русского слова "бытие" — "genesis". Это постоянное становление, постоянное обновление, постоянная новизна. В текстах мной уже упомянутых учёных монахов это прослеживалось на "буквалистском" уровне — именно такое понимание бытия и способа его осмысления через процессуальные динамические формы. И (тут хотелось бы подчеркнуть!) связанные с одновременным отрицательно-положительным подходом к тому же бытию. Ибо что такое бытие как генезис?

Андрей ФЕФЕЛОВ. Важный момент — "отрицательно-положительный подход"… Но это ведь и о конкретных вещах?

Пётр КАЛИТИН. Безусловно. Это то, что прекрасно выражено в известном русском "была не была!". То есть когда одновременно и "есть", и "не есть" (и "да", и "нет"; и положительное, и отрицательное). Или, говоря богословским языком, и катафатическое, и апофатическое. Или, если хотите, и позитивное, и "нигилистическое". То есть речь идёт не о западноевропейском, идущем от античности, понимании бытия, с лёгкой руки Парменида названном единым, вечным, неизменным. Мне бы хотелось остановиться на особом русском понимании бытия как становящегося: одновременно существующего и несуществующего. Или, как сказал потом, уже в начале двадцатого века, наш гениальный русский логик Николай Александрович Васильев, "есть и не есть зараз".

Андрей ФЕФЕЛОВ. В какие годы он жил?

Пётр КАЛИТИН. 1880—1940. Хотелось бы подчеркнуть, что он был профессором Казанского университета. Мы из классической логики, включая Гегеля, знаем только о двух формах связки: отрицательная — "не есть", и положительная — "есть". И вся, собственно, наша логика, всё наше мышление крутится до сих пор вокруг этих двух "сосен", в которых мы, русские люди, к сожалению, блуждаем до сих пор.

Андрей ФЕФЕЛОВ. А есть третья "сосна" ещё…

Пётр КАЛИТИН. Третья "сосна" — настоящая, возвращающая нас к русской поговорке… Так вот, Васильевым была найдена удивительная формула "есть и не есть зараз" — неклассическая, странная в привычных форматах мировой культуры. И если на Западе к неклассической физике, к неклассической литературе пришли только на рубеже XIX—XX веков, то в России это неклассическое понимание бытия (одновременно православное, учёно-монашеское и логическое) пошло со времён XI века, "Слова о Законе и Благодати" митрополита Илариона. У него не просто ведь общеизвестное противопоставление Закона и Благодати идёт, а самоутверждения и спасения. И он связывает с Законом самоутверждение, а с Благодатью — спасение. Этим он уже подчёркивает отрицательно-положительное понимание бытия как становления. И применительно уже к богословской проблематике — спасение и "неспасение" за раз.

И мы знаем, что даже великие наши святые, включая Сергия Радонежского, менее всего были уверены в том, что спасутся. Более того, когда ему явилась Божья Матерь, которая, казалось бы, можно сказать, удостоверила его будущее спасение, согласно Житию и свидетелям того эпизода с Сергием, того же Епифания Премудрого, он испытал ужас и (одновременно!) радость. Опять отрицательно-положительное чувство налицо! То, что у нас в языке зафиксировано как "ужасно красивый" или "ужасно добрый"…

Андрей ФЕФЕЛОВ. "Чудовищно красивый".

Пётр КАЛИТИН. Да. И это действительно чисто русские выражения. У Сергия в понимании спасения идёт вот этот отрицательно-положительный момент: никакой уверенности в том, что я раз и навсегда спасён. А в протестантстве уже договорились до того, что если я хочу быть спасённым, то уже и спасён! И, соответственно, весь маркетинговый менталитет сегодняшних торгашей строится на протестантском догмате об оправдании единой веры: если хочу, то могу, если надо, то, соответственно, уже это и есть. Понимаете? В этом радикальная разница нашего менталитета и западного.

Андрей ФЕФЕЛОВ. Русская логика — антиномическая. И в западном рациональном понимании является абсурдом.

Пётр КАЛИТИН. Отсюда и отношение к нам всегда было, что мы в лучшем случае были для них иррациональные, что у нас — вечно женское. Или как, помните, Бердяев о Розанове говорил: "Вечно бабье в русской душе".

Как специалист могу сказать, что на Западе до сих пор отрицается русская философия как культурный феномен. Для них есть просто русские гегельянцы, русские кантианцы, какие-то ученики Гуссерля и Фрейда, но собственно русской философии для них нет. Почему? Потому что для них с их "двумя соснами" — строгой дизъюнкцией — наши реальные тексты, тех же монахов до девятнадцатого века, пугают тем, что в них нет логики исключённого третьего (по Аристотелю), согласно которой из двух противоречивых суждений одно по необходимости истинно. А у нас получается, что из двух противоречивых суждений оба — ложные, а истиной будет их антиномическое сочетание безо всякого синтеза (так называемого диалектического), который сводится на деле всё равно либо к однозначно положительному, либо к однозначно отрицательному результату.

И то, что наша русская интеллигенция до сих пор этого не видит, объясняется просто: её восприятие зашорено западным способом мышления. Поэтому ни в одной истории русской философии, ни в одной истории русского богословия ни слова не сказано о школе митрополита Платона. Это были двадцать наших богословов-гениев, и их никто не увидел!

В данном случае я горжусь тем, что в изданной в МГУ истории философии наконец-то появился раздел об этой учёно-монашеской школе. Это не в качестве самоутверждения говорю, а для начала фиксации того, что с нами происходит. Речь идёт о том, что в большинстве своём в обиходе мы пользуемся этим нормальным, как мы считаем, рациональным менталитетом, который имеет в своей основе исключительно западную традицию! Хотелось бы отметить величие Мартина Хайдеггера, который в работе "Европейский нигилизм" разобрал всю историю западной мысли, начиная с Парменида. И показал, что Европа не просто даровала миру мышление с запретом противоречий. А "подарила" нигилизм, в результате чего было потеряно представление о живом Боге, пульсирующем органическом бытии. Что такое "была не была"? Это дыхание, вдох-выдох, есть-нет, мерцание, пульсация. Мы живём по этому же принципу — такого бытия…

Андрей ФЕФЕЛОВ. Есть притча о Бисмарке и ямщике. В юности в России Бисмарк попал в чудовищную метель. Кони встали, и все начали замерзать, в этой тьме, где вообще непонятно куда двигаться… Уже почти отчаявшийся молодой Бисмарк всё спрашивал ямщика: "Что, что мы будем делать?", — а тот всё повторял: "Барин, ничего, ничего…" И потом Бисмарк заказал себе перстень со словом "ничего", которое одновременно означало и небытие абсолютное, и надежду, утверждение, что всё выправится.

Пётр КАЛИТИН. Когда мы говорим "ничего", мы не говорим в однозначно отрицательном смысле. Мы как раз схватываем эту антиномичность: и утверждение, и отрицание. Что, может быть, спасёмся, как в данном случае с метелью, а может быть, и нет. Одновременно — и спасёмся, и не спасёмся. Это создаёт, я бы сказал, фермент русского успеха. Подчеркну, что именно Александр Васильевич Суворов, наш гениальный полководец, был человеком, который создал формулу русского успеха: "Глазомер, быстрота и натиск". Есть и более известная его вариация: "Удивил — победил". Делать нечто невозможное и неожиданное для противника — это условие победы.

Андрей ФЕФЕЛОВ. Кстати, Юрий Витальевич Мамлеев мне рассказывал про определённую технику суворовских чудо-богатырей. Речь идёт о боевом смехе. Суворов произносил шутку перед атакой, и она, как некая энергетическая волна или заряд, проходила сквозь наступающий строй, и чудо-богатыри на вражеский редут наступали дико хохоча. Это абсолютно сбивало с толку обороняющихся солдат и убивало в них любую мысль о сопротивлении. Потому что эти огромные русские воины представляли собой стихию страшного смеха.

Пётр КАЛИТИН. Именно страшного смеха. Вот опять, как у Сергия Радонежского, "страшная радость". И фактор неожиданности: "всегда вдруг". Вот формула русского успеха: быть непредсказуемым для своего противника. И ещё у Суворова мне запомнилась потрясающая формула: "Умей управлять счастьем, ибо победа решается за мгновение".

Андрей ФЕФЕЛОВ. По сути, Александр Васильевич предлагает залезть внутрь секунды, внутрь мгновения. И там, в этой одной секунде, немножко поменять диспозицию, покопаться и создать нужный баланс. Буквально в одной секунде.

Пётр КАЛИТИН. С вектором, обращённым к вечности.

Андрей ФЕФЕЛОВ. Допустим, при важной встрече ты смотришь на человека в первый момент, и эта секунда решает всё дальнейшее. И это связано с любыми действиями: на войне, в дороге, в производстве. И, конечно, в творчестве. Ведь рождение образа у художника — это секунда. И как "рулить" в этой секунде? Потому что ведь можно её пропустить или забыть образ, который раскрылся.

Пётр КАЛИТИН. Здесь хотелось бы "перейти на личности" — в хорошем смысле. Хотелось бы вспомнить евангельское понятие "безумие" из Первого послания апостола Павла к Коринфянам. Если ты постоянно противоречив (антиномичен, безумен), ты этим самым, в силу постоянства, сохраняешь, как говорил Кант, минимальный закон рациональности — закон тождества. И, соответственно, ты рационален в своём безумии. То есть то, к чему в большинстве случаев на сегодняшний день в Европе только подходят.

Европа с лёгкой руки Хайдеггера (и не только его) начинает эти вещи постигать. В 1966 году он дал интервью журналу Der Spiegel в том духе, что мир спасут новые формы мышления, которые придут из России и Китая. Китай с его даосизмом — отдельный разговор. Но в случае России я прекрасно Хайдеггера понимаю: он увидел в ней живое христианское мышление, которое не убило Бога однозначностью, логикой, заведомо непротиворечивой учёностью.

Русская личность как таковая вся пронизана этим антиномизмом, этим "безумием" постоянного возникновения, самотворения из тварного "ничто". Если вспомнить известную догматическую христианскую формулу, что мы все сотворённые, то, соответственно, оставаясь без Бога и усилий, предпринятых в направлении Его достижения (волевых, интеллектуальных), мы остаёмся в качестве "ничто". Русская личность постоянно начинает бытие, становится, выражаясь философским языком. Суворов, по сути, призывал: мы должны для противника проявляться постоянно, но так, чтобы он нас не успевал ответно ударить… Александр Васильевич Суворов с его смехом прямиком переводит нас на юродственную линию, которая пронизывает собой русское православие. Другое дело, что русский язык здесь сразу переключает на ассоциацию со словом "уродство". К сожалению, это специфика личностного статуса русского человека, его постоянного возникновения из тварного "ничто", поэтому он открыт соблазнам становления в Боге и становления победителем. Но, к сожалению, и падения. Как говорится, кому много дано, с того много и взыщется. Такая "динамическая специфика" русского человека приводила и к его высочайшим взлётам (про Гагарина тут тоже уместно вспомнить), и к его глубочайшим падениям. Не хочу, чтобы в этих словах об органических свойствах русской личности увидели злорадный русофобский выверт. Но именно отсюда — вся наша фантасмагорическая история.

Андрей ФЕФЕЛОВ. "Юродивый", "уродивый", "урод". "Урод" в славянских языках, наоборот, — "красивый". Я как-то был на одном из ток-шоу Первого канала и сказал поляку: "Томаш, ты — урод". Это — "красивый человек" по-польски.

Пётр КАЛИТИН. Это интересно, но в нашем обиходе, если кого-то называют уродом, он, мягко говоря, не очень доволен этим определением. Но даже на таком буквальном уровне очевидно, что эта раздвоенность русской души, русской личности, нам органически свойственна. Этот раскол, который мы считаем в себе самих негативным и требующим искоренения, сопровождает всю нашу историю.

Андрей ФЕФЕЛОВ. Но русская история, подобно жизни, противоречива. Собственно, жизнь движется с помощью смерти. То есть смерть является наисовершеннейшим инструментом жизни, потому что без смерти жизнь не смогла бы воспроизводить себя.

Пётр КАЛИТИН. Отсюда эсхатологическая особенность русскости. Ибо что значит "Четвёртому (Риму) не быть"? Это — постоянный обрыв, что маячит впереди. Вывод из знаменитого признания старца Филофея — мы должны жить на краю бездны, в любой момент мы можем сорваться, и всё!

И этот эсхатологизм бытия особенно ярко проявляется в связи с большевиками. Я, между прочим, горжусь тем, что философский факультет заканчивал не просто как философ, а как специалист по научному коммунизму. Я действительно читал Ленина, что называется, всерьёз. И могу сказать, что его работы, особенно первых послесоветских лет, потрясающи! Большевики не были вообще уверены, что они завтра будут жить. Они жили сегодняшним днём. Это мы сейчас задним числом считаем, что Ленин всё распланировал и предвидел — хотя бы 70 лет грядущей Советской власти — точно! Они же, наоборот, жили эсхатологически: сегодня жив, завтра — нет. Мне ещё в этой связи нравится русское выражение "ни жив ни мёртв". Это особый режим жизни. Как и в неклассическом (изначальном) христианстве, так и в псевдоатеистическом изводе прослеживается общее. Александр Андреевич Проханов любит подчёркивать это единство всей русской традиции, русской истории, не парадоксальное (не люблю я это слово!), а именно органическое, антиномическое.

Андрей ФЕФЕЛОВ. Есть ощущение, что русский двуглавый орёл на самом деле не орёл. Он — феникс: то есть горящее, сгорающее состояние, когда русское государство превращается в пепел, и этот пепел разносит ветер, на этом месте возникает пустота, а потом пепел собирается вновь, и возрождается царство.

Пётр КАЛИТИН. И это возрождение неожиданно даже для нас самих, не только для наших "партнёров". Это опять та же закономерность — возникновение из "ничто".

Андрей ФЕФЕЛОВ. И это ведь страшные трансформации. Они несовместимы с бытовым счастьем, рационализмом…

Пётр КАЛИТИН. Я бы даже сказал, с категорией нормального.

Андрей ФЕФЕЛОВ. Да, с нормой. И мы, участники трансформаций, несём и эту ношу страшную, и счастье огромное.

Пётр КАЛИТИН. Вспомним живой опыт — события октября 1993-го. Ведь это был праздник. То есть люди знали, что всё может плохо кончиться, но я помню ощущение праздника у людей, которые могли в любой момент погибнуть. Важно это единство опасности и праздника для русского человека. То же самое наблюдал и в Луганске в 2015-м. Дальнобойные вражеские орудия доставали Луганск (и сейчас, к сожалению, достают), но люди празднично себя чувствовали. Я давно не видел, чтобы современные дети сидели на детских площадках в спальных районах. Такое помню только по своему детству 60-х годов. А там русский человек расцвёл в условиях реальной опасности! И в этом вижу вновь антиномичность и эсхатологию бытия и мышления, у которых есть своя самотождественная логика. Поэтому это не область безумного (в негативном смысле), а именно рациональное, которое несёт в себе личность в постоянном возникновении.

Русский человек — постольку русский, поскольку он творец. Поскольку он из своего "ничто" создаёт нечто. Неважно — в какой сфере. В виде дома или даже какого-то бытового праздника…

Андрей ФЕФЕЛОВ. Или царства…

Пётр КАЛИТИН. Или шедевра литературного… Есть тут один принципиальный момент, который Пушкин уловил как никто. Что Пётр I создал русскую империю только для творцов. Поэтому в ней все так называемые "бедные Евгении" из "Медного всадника", не плохие и не хорошие, не в своей тарелке себя ощущают. Им просто нужна нормальная жизнь с условной Парашей. Конкретно пушкинская же — гибнет в этом жутком наводнении…

Андрей ФЕФЕЛОВ. Жутко прекрасном…

Пётр КАЛИТИН. Совершенно верно. Александр Сергеевич в этом плане как никто этот дух петровской эпохи уловил. У него есть маленький безымянный отрывок 1823 года. Одна из строчек звучит так: "В России всё должно творить". Отсюда — его отношение к Петру, которому он каждый год заказывал литию в день его рождения. Пётр был противоречив, и это нормально. Поэтому он и был русским, настоящим русским. Не просто даже государем, а воителем, императором. И если мы возьмём его наследников, то именно Сталин унаследовал его потрясающую русскую двойственность. Так же, как Петру (и сам это он тоже не отрицал) предшествовала двойственность Ивана Грозного. Вот они — настоящие русские правители (безотносительно к кровной составляющей). И когда в очередной раз слышу двоящиеся речи о репрессиях и спасении России, всё думаю: "Ребята, давайте мы не будем "делить" этого по-русски великого человека". Он был… Как там у Пушкина?

Андрей ФЕФЕЛОВ. "Выходит Пётр. Его глаза сияют. Лик его ужасен. Движенья быстры. Он прекрасен".

Пётр КАЛИТИН. "Он весь, как божия гроза" — дальше идёт. Вот тоже — всё о том же: сочетание "божией грозы", то есть милосердной, и собственно грозы, грозного, величественного явления, непредсказуемого, внушающего ужас. Таковы и великие творцы русского социума, русского мира. Они сами были противоречивы, поэтому создавали царства только для творцов. Сюда же вполне укладывается и эпоха Сталина — пассионарный взлёт всех наших достижений на страшном фоне, и это абсолютно нормально. Без этого не состоялись бы ни Гагарины, ни Королёвы, которыми мы сейчас так гордимся. С точки зрения морали можно сказать: "Птичку жалко". Да, можно поплакать, я согласен. Но XX век показал нам, русским людям: когда мы начинали по поводу птички плакать, этот сентиментализм, эта душевность проявлялись как "теплота" из "Апокалипсиса", где говорится с негативным оттенком про тех кто "ни холоден, ни горяч".

Андрей ФЕФЕЛОВ. "Теплохладность".

Пётр КАЛИТИН. А душевность, сентиментальность, гуманность мы до сих пор признаём в качестве некой позитивной ценности… Но надо отдавать себе отчёт в том, что советскую власть погубил не просто потребительский зуд. Он был следствием. Советский Союз был загублен желанием нормальной жизни, желанием, чтобы всё шло спокойно, чтобы не было войны… И если сейчас мне в очередной раз будут говорить о репрессиях Сталина, я скажу: "А сколько погибло добровольно в 1990-е годы русских людей?" Жуткие цифры. И сейчас мы что видим? Ни один Гитлер такое опустошение русской деревни, исконной русскости (в плане социума) не сделал, как нынешние гуманисты — поклонники общечеловеческих ценностей. Этот соблазн "моралите", выпотрошенных положительных ценностей не менее страшен, чем откровенный нигилизм. Нигилисты хоть честнее: они всё отрицают. Плохо, когда отсутствует духовный иммунитет. Мы, увы, это до сих пор демонстрируем.

Андрей ФЕФЕЛОВ. Пётр Вячеславович, большое спасибо за беседу!

WWW.ДЕНЬ-МАГАЗИН.РФ +7(499)350-17-79 WWW.ДЕНЬ-МАГАЗИН.РФ +7(499)350-17-79 WWW.ДЕНЬ-МАГАЗИН.РФ +7(499)350-17-79

1380 г.

Враги на Русь идут стеной,
Чтоб наши сёла жечь.
На мне кольчуга, щит со мной,
При мне надежный меч.
Я размахнусь мечом своим,
Когда с врагом столкнусь.
Вперёд, за Дмитрием Донским!
Вперёд, за нашу Русь!

1700 г.

Под барабанный бой с утра
Ученье на плацу.
Ученикам царя Петра
Лениться не к лицу!
Царь в этом деле видит толк,
И он успехам рад.
Он любит свой Потешный полк
И учит сам солдат.

1812 г.

Идёт великая война.
Враги со всех сторон.
Москва в огне. Москва сдана.
В Кремле — Наполеон.
«Надень мундир, почисть ружьё.
Готовым будь, солдат!
Москву, и Кремль, и всё своё
Мы отберём назад!»

1918 г.

— Ты кем поставлен здесь, боец?
Зачем и для чего?
— Вчера на фронт ушёл отец,
Я заменил его.
— А где ты этот флаг достал,
Скажи мне, часовой?
— Мне это знамя Ленин дал.
Оно всегда со мной!

«РУССКИЕ БОГАТЫРИ»

СТАЛИНСКИЕ КРУЖКИ

ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ И ДЕТЕЙ

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!
Мы рады представить вам наш новый арт-проект,
основанный на иллюстрированном цикле стихов Сергея МИХАЛКОВА "РУССКИЕ БОГАТЫРИ",
напечатанном в детском журнале "МУРЗИЛКА" в 1947 году.
ПРИОБРЕСТИ кружки можно в нашем онлайн магазине
по адресу www.день-магазин.рф и по телефону +7 (499) 350-17-79
ЦЕНА одной кружки - 500р., одной кружки в комплекте - 375р., комплекта (8 штук) - 3000р.
Тираж ограничен! Всего 50 эксклюзивных комплектов!

1556 г.

У стен Кремлёвского дворца
Весь день стоят стрельцы:
Ждут иноземного гонца
Лихие удальцы.
В руках секира и пищаль,
За поясом свинец.
Они стоят и смотрят в даль:
Не едет ли гонец?

1799 г.

Своих героев, как отец,
Учил Суворов так:
«Коли — и будешь молодец! —
Штыка боится враг!
Иди вперёд, а не назад.
Победа — впереди!
Глядишь: и новый город взят,
И орден на груди!»

1914 г.

Не устаёт рубить рука,
И конь копытом бьёт.
Где нет работы для клинка,
Там пика достаёт!
Скачи, казак! Лети, казак!
Руби, казак, врага!
Тебе, казак, не страшен враг:
Россия дорога!

1944 г.

Громит захватчиков народ —
с фашистами война.
И в бой за Сталиным идёт
Советская страна.
На всех фронтах гремят бои,
И ты готовься в путь.
Как предки славные твои,
В бою отважным будь!

МАГАЗИН ДЕРЖАВНО-ПАТРИОТИЧЕСКОГО КАНАЛА «ДЕНЬ»